

Don't Turn this book

FA 833.373.F

✓

*

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА

РУССКОЙ ПРОНОМІИ.

Г. ФИЛИМОНОВА.

МОСКВА.

—
1873.

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА

РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

Г. ФИЛИМОНОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о), на Страстномъ бульварѣ.
1873.

FA 833.373 F

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARTHUR D. CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

6

Издание Общества Древне-русского искусства при Московском Публичномъ Музее.

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА

РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

СТАТЬЯ Г. ФИЛИМОНОВА.

СИМОНЪ УШАКОВЪ

И

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ ЭПОХА РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

Жизнеописанія мастеровъ древней Россіи, съ оцѣнкой, по возможности, ихъ произведеній, принадлежа къ существеннымъ задачамъ отечественной археологіи, входятъ непосредственно въ кругъ занятій Общества Древне-русского искусства.

Такъ какъ иконопись въ Россіи занимала самое почетное мѣсто въ ряду искусствъ, а Симонъ Ушаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ ея представителей; то мы и считаемъ приличнымъ на первый разъ предложить обзоръ дѣятельности этого художника.

Материалами намъ будутъ служить: съ одной стороны, акты архива Московской Оружейной Палаты; съ другой, сохранившіяся и помѣченныя рукою мастера произведенія.

Нелишнимъ считаемъ сказать здѣсь же два слова, по поводу значенія, которое въ глазахъ нашихъ имѣетъ древне-русское искусство; такъ какъ объ этомъ предметѣ не установились еще окончательныя убѣжденія. Если странно возводить произведенія русскаго церковнаго искусства до степени художественныхъ, то еще несправедливѣе низводить ихъ на крайнюю степень ремесленныхъ. Избравъ средній путь, мы должны будемъ видѣть въ нихъ художественно-ремесленные произведенія, а самое искусство, какова, напримѣръ, наша иконопись, признать художественнымъ ремесломъ, или промышленнымъ искусствомъ, какъ и всякое искусство, не высвободившееся изъ служенія церкви и не возвысившееся до степени чисто свободнаго творчества. И такъ, по нашему мнѣнію, иконопись есть искусство церкви, и потому она не чисто свободное искусство; иконописцы—художники церкви, и потому, не свободные художники.

Полагая въ основу нашей задачи подобнаго рода воззрѣніе, мы не думаемъ тѣмъ унижить значеніе предмета нашихъ занятій и отнимать у другихъ охоту имъ заниматься. Дѣло говоритъ само за себя, и нѣтъ никакой нужды пускаться въ преувеличенную оцѣнку его значенія. Всякій мыслящій, образованный человѣкъ долженъ понимать и цѣнить всю важность историческаго изученія, какъ умственной, такъ и художественной дѣятельности народа. Какова бы ни была та и другая дѣятельность, все же она выражаетъ внутреннюю жизнь, и именно, ту самую жизнь, безъ изученія которой немыслима полная исторія государства. Отрицать важность изученія древне-русской литературы или древне-русскаго искусства, въ наше время, было бы въ равной мѣрѣ странно, какъ и отрицать пользу исторической науки вообще. Если послѣдняя необходима для точнѣйшаго уясненія современности, необходима для самопознанія; то нельзя сомнѣваться въ важности историческаго изученія, не только литературной, но и художественной дѣятельности. Вопросъ о существованіи той и другой дѣятельности въ извѣстномъ народѣ представляется намъ до такой степени важнымъ, что имъ, по нашему разумѣнію, обуславливается понятіе о нравственной жизни народа. Непризнающіе вовсе художественнаго движенія въ древней Россіи осуждаютъ ее, сами того не зная, на нравственную смерть. Иной вопросъ

въ недостаткѣ матеріаловъ, или, вѣрнѣе, въ незнакомствѣ съ ними и въ ихъ неразработанности. Но такіе недочеты вовсе не обязываютъ брать на вѣру преждевременные и отрицательные выводы; напротивъ того, они призываютъ къ осторожности, осмотрительности. Обнародованіе матеріаловъ является насущною потребностью, которой удовлетворить постараемся и мы, по силѣ возможности.

1648—1664.

Ушаковъ на службѣ въ серебряномъ приказѣ.

Мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній о жизни Симона Ушакова до поступленія его на службу. Даже извѣстіемъ о самомъ годѣ его рожденія мы обязаны единственно лишь случайному указанію покойнаго Тромонина, отмѣтившаго надпись на одной иконѣ Ушакова. Неизвѣстно, гдѣ теперь находится эта икона; но она была въ московской церкви Грузинской Божіей Матери, что въ Китаѣ городѣ, и надпись на ней гласила слѣдующее: „лѣта 7166 году писалъ государевъ иконникъ, Симонъ Ѳеодоровъ, сынъ Ушаковъ, 32 лѣтъ возраста своего.“ Отсюда узнаемъ мы, что Пимень, или, какъ онъ называлъ себя обыкновенно, Симонъ Ѳеодоровъ Ушаковъ, родился въ 1626 году. Полагаемъ, что онъ происходилъ изъ посадскихъ людей, и имѣемъ полное основаніе думать, что молодость его проведена съ большимъ толкомъ и пользою для развитія. Одаренный отъ природы нерядовыми способностями, онъ долженъ былъ много трудиться для того, чтобы, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, получить мѣсто среди царскихъ мастеровъ и въ продолженіи около сорока лѣтъ съ честью занимать его. Онъ не походилъ на своихъ товарищей, которые, помимо специальности въ извѣстномъ родѣ своего искусства, немного хлопотали о познаніяхъ, даже о грамотности. [Выступая очень рано, по тогдашнимъ понятіямъ, на служебное поприще искусству, онъ приносилъ весь необходимый запасъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, который пріобрѣтался обыкновенно лишь долгимъ путемъ изученія и опыта. Общій уровень образованія въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, былъ не слишкомъ-то высокъ; тѣмъ не менѣе, отъ хорошаго иконописца, или, какъ его называли, отъ мастера добраго, требовалось довольно всякаго рода премудрости, особенно изъ книгъ священнаго писанія, житій святыхъ, хронографовъ и проч. Удовлетворить этимъ требованіямъ, при отсутствіи правильныхъ школъ и порядочныхъ учебниковъ, значило собирать запасъ по крохамъ. По понятіямъ объ иконописи того времени, въ искусствѣ допускалось, какъ извѣстно, раздѣленіе труда, такъ что одинъ мастеръ дѣлалъ рисункъ, другой, иногда довольно хорошій, писалъ въ иконѣ лица, третій—доличное; каждый изъ нихъ имѣлъ учениковъ только по роду своей специальности. При такихъ убогихъ средствахъ и ремесленныхъ понятіяхъ трудно было добиться до здравыхъ понятій объ искусствѣ. Симонъ Ушаковъ съ перваго раза сталъ во всѣхъ отношеніяхъ выше своихъ товарищей—иконписцевъ. Хотя мы должны, къ несчастію, ограничиваться по недостатку другаго матеріала, почти исключительно официальными актами, для исторической характеристики этой почтенной личности, свѣдѣніями изъ поданныхъ имъ челобитныхъ, изъ выписокъ изъ дѣлъ и проч.; однако и изъ этихъ источниковъ вынаруживается довольно. Его, относительно высокая степень развитія проявится намъ и въ глубокомъ сознаніи важности задачи, вынудившемъ его, между прочимъ, овладѣть вполнѣ всѣми частями иконописнаго производства, и въ самомъ складѣ его рукою, красиво и четко, писанныхъ актовъ, изобличающихъ строго-логическій умъ и прямую, чистую душу ихъ автора; его, окрѣпнувшая въ постоянныхъ, сознательныхъ трудахъ, трезвая дѣятельность выкажется въ исполненіи тѣхъ разностороннихъ порученій, которыя возлагались на него, то по изготовленію иконъ, рисунковъ, чертежей, то по надзору за иконописными работами, то по приготовленію учениковъ, то по освидѣтельствованію работъ и матеріаловъ и проч., наконецъ въ тѣхъ многочисленныхъ, случайно дошедшихъ до насъ и вовсе не упоминаемыхъ въ письменныхъ актахъ, произведеніяхъ его кисти, которыя всего болѣе упрочили за Симономъ Ушаковымъ почетное мѣсто между иконописцами XVII вѣка.

До сихъ поръ думали, и, надо сознаться, крайне неосновательно, что Ушаковъ вступилъ въ службу, въ число царскихъ мастеровъ, въ 1660 году. Ложное мнѣніе это основалось на слишкомъ спѣшномъ выводѣ изъ собранныхъ И. Е. Забѣлинымъ Матеріаловъ для исторіи русской иконописи *. Симонъ Ушаковъ, дѣйствительно, въ этихъ матеріалахъ, въ первый разъ является въ списокъ московскихъ жалованныхъ иконописцевъ въ 7168 или въ 1660 году; но отсюда не слѣдовало дѣлать заключенія, что онъ не былъ въ числѣ этихъ иконописцевъ прежде, какъ бы полны ни были собранные матеріалы. На дѣлѣ оказывается впрочемъ, что матеріалы для исторіи русской иконописи далеко не исчерпаны изъ архива Московской Оружейной Палаты. На основаніи этихъ-то неизданныхъ матеріаловъ, мы имѣемъ возможность возстановить истину и утверждать положительно, что нашъ иконописецъ вступилъ въ царскую службу 4 мая 1648 года, то-есть 22 лѣтъ отъ роду. Ссылаемся въ этомъ случаѣ, во-первыхъ, на челобитную его 1674 года, въ которой онъ упоминаетъ уже о своей двадцати-семи-лѣтней службѣ; затѣмъ на другую, 1660 года, въ которой онъ называетъ 1648 годъ годомъ вступленія своего въ службу. Наконецъ, намъ удалось отыскать даже самый актъ объ опредѣленіи его въ жалованные иконописцы, вслѣдствіе поданной имъ, 13 апрѣля 1648 года, о поверстаніи его жалованьемъ, просьбы.

Мы не можемъ обойти нѣкоторыхъ подробностей этого акта, такъ какъ онъ, съ одной стороны характеризуютъ наши канцелярскіе порядки XVII вѣка, съ другой служатъ немаловажными матеріалами для исторіи иконописи. Слѣдуетъ замѣтить, что актъ, нами разсматриваемый, также какъ и всѣ другіе, о которыхъ будетъ рѣчь, въ подлинникѣ представляли нѣкогда видъ столбцовъ, нынѣ расклеенныхъ.

Дѣло начинается тѣмъ, что подаетъ прошеніе, о назначеніи жалованья, взятый 17 марта, отъ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго, иконописецъ Яковъ Тихоновъ Рудаковъ. На оборотѣ прошенія помѣта къ выпискѣ 4 мая. Слѣдуетъ другое прошеніе, о томъ же предметѣ, Симона Ушакова, которое помѣчено къ выпискѣ 13 апрѣля того же 7156 года. Наконецъ, выписка примѣрнаго жалованья, общая для обоихъ. По существовавшей склейкѣ прошеній и по выпискѣ, съ лицевой стороны, скрѣпа съ помѣтою 10 мая, царскаго указа, состоявшагося по этому дѣлу и приказа Оружейничаго Григ. Гавр. Пушкина. Въ концѣ еще приложенъ черновой отпускъ въ приказъ Большаго Дворца, 5 августа. Чтобы уяснить себѣ сколько-нибудь всю эту путаницу, надо, кажется, предположить, что прошеніе Ушакова, хотя было подано и ранѣе, но должно было залежаться въ Окружейномъ Приказѣ, въ ожиданіи другаго, повидимому, старшаго иконописца, о которомъ уже завязалась переписка, и когда тотъ подастъ прошеніе, тогда къ нему присоединили Ушаковское и представили дѣло къ докладу, какъ слѣдуетъ.

Какъ бы то ни было, но изъ этого акта мы получаемъ нѣсколько весьма важныхъ свѣдѣній объ иконописи. Во-первыхъ, въ выпискѣ указывается на то, что до Ушакова уже были жалованные иконописцы, состояли при Оружейномъ Приказѣ, какъ и въ послѣдствіи; затѣмъ, лучший изъ иконописцевъ, непосредственно предшествовавшихъ по службѣ Ушакову, какъ видно изъ его оклада, былъ Иванъ Паисеннъ, послѣ него, Маркъ Матвѣевъ, Бажень Савинъ и наконецъ, Борисъ Паисеннъ и Сидоръ Поспѣевъ; всѣ, какъ извѣстно, изъ изданныхъ матеріаловъ, пожалованные за Успенское письмо 1644 года, и всѣ, до вступленія Ушакова, кромѣ послѣдняго, Сидора Поспѣева, померли; а мѣста ихъ не были заняты, потому и вербовались новые, и въ числѣ ихъ нашъ Симонъ Ушаковъ. Въ-вторыхъ, Ушакову на первый разъ положено жалованье въ самомъ меньшемъ размѣрѣ, противъ иконописца Бажена Савина; тогда какъ опредѣленному въ одно съ нимъ время, Якову Рудакову, дано оно по высшему окладу, противъ Ивана Паисенна. Надо предполагать, что Рудаковъ превосходилъ искусствомъ самого Симона, но вѣроятно, и былъ за то старше его лѣтами. Свѣдѣній о немъ дальнѣйшихъ нами еще не отыскано. Въ тѣхъ же актахъ опредѣленія, и именно, въ поданномъ имъ прошеніи упоминаются писанныя имъ, въ промежутокъ времени, отъ поступленія его въ мастера, до выдачи жалованья, слѣдующія иконы: Алексія, человека Божія, и Маріи египетской, въ моленіи Богоматери, образъ Казанской Богородицы. Онъ происходилъ, повидимому, изъ крестьянъ кн. Черкаскаго, также какъ и знаменитый Никита Павловецъ, принадлежавшій Якову Куденетовичу Черкасскому.

* Временникъ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. VII книга, Москва, 1850 года.

Изъ прошенія Симона Ушакова, къ сожалѣнію, не видно, откуда взять онъ, откуда родомъ; вѣроятно, изъ вольныхъ людей. Онъ не исчисляетъ даже, на этотъ разъ, подробно своихъ работъ, а говоритъ только въ общихъ чертахъ, что онъ работаетъ безпрестанно у царскаго дѣла. Жалованья ему назначено: денежнаго оклада—всего 10 р., хлѣба, ржи и овса—по 15 четвертей. Но, какъ увидимъ, оно вскорѣ увеличилось и дошло до цифры, весьма значительной по тогдашнимъ понятіямъ.

Хотя изъ дѣла объ опредѣленіи Ушакова и видно, что онъ былъ принятъ въ царскіе жалованные иконописцы, состоявшіе при Оружейной Палатѣ и въ вѣдѣніи Оружейнаго Приказа; но, по другимъ документамъ, какъ современнымъ его опредѣленію, такъ и позднѣйшимъ, онъ находился на службѣ въ особомъ учрежденіи, въ Серебряной Палатѣ, и работалъ здѣсь съ 1648 года по 1664 г., т. е. съ года вступленія своего на службу, какъ нами показано выше, и четыре года спустя послѣ того, какъ мы находимъ его въ царскихъ жалованныхъ мастерахъ, по изданнымъ для исторіи иконописи матеріаламъ. Ясно, что, бывши царскимъ жалованнымъ иконописцемъ, онъ состоялъ на службѣ въ одномъ учрежденіи и занимался, кромѣ того, въ другомъ. Имя его ускользало отъ нашихъ изслѣдователей; потому что оно не находилось въ общихъ спискахъ жалованныхъ иконописцевъ Оружейной Палаты. Его нѣтъ здѣсь, даже въ 1650 году, въ томъ спискѣ, гдѣ исчислены его товарищи по службѣ, Яковъ Казанецъ, Степанъ Резанецъ и Сидоръ Постѣвъ.

Главное занятіе Ушакова на службѣ въ Серебряной Палатѣ составляло—знаменить, рисовать, сочинять рисунки для разнаго рода предметовъ церковной утвари, преимущественно же для металлическихъ издѣлій, золотыхъ, серебряныхъ и эмалевыхъ. Онъ долженъ былъ знаменить святыхъ образа на сосудахъ церковныхъ и на дробницахъ, по собственному его выраженію въ одной челобитной. Такимъ образомъ, онъ не былъ здѣсь собственно иконописцемъ, но знаменщикомъ, или рисовальщикомъ. Такъ называли его обыкновенно и въ официальныхъ актахъ этого времени, хотя иногда встрѣчается тутъ же и имя иконописца—золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаменщикъ и иконописецъ. Памятниковъ съ прямымъ указаніемъ его дѣятельности въ этомъ родѣ, какъ рисовальщика, мы пока еще не можемъ указать; но мы вполне убѣждены, что ихъ не мало дошло до нашего времени въ различныхъ изящныхъ произведеніяхъ церковной утвари второй половины XVII вѣка, преимущественно же въ предметахъ Патріаршей ризницы и ризницъ нашихъ московскихъ соборовъ. Чтобы оцѣнить степень важности возложенныхъ на Симона въ этомъ дѣлѣ обязанностей, слѣдуетъ стать на точку зрѣнія понятій того времени и не прикладывать къ нимъ современныхъ мѣрокъ. Далеко не всякій иконописецъ XVII вѣка могъ справиться съ этой и для нашего времени не совсѣмъ легкою задачею, если смотрѣть на нее серьезно; въ то же время, какъ извѣстно, большая часть иконописцевъ пробавлялась, даже для своихъ иконъ, готовыми рисунками, снимая ихъ съ другихъ иконъ, или переводя на доску съ образцовъ и сколковъ, сдѣланныхъ на бумагѣ. Только специалисты умѣли составлять рисунки, сочинять, знаменить собою. Для выполненія задачъ, лежавшихъ на Ушаковѣ, требовалось, прежде всего, знаніе рисунка, затѣмъ: извѣстная степень вкуса и даже самостоятельное творчество,—все это, разумѣется, въ предѣлахъ понятій того времени. Значеніе рисунка въ металлическихъ издѣліяхъ то же, что въ архитектурныхъ памятникахъ. Рисунокъ составляетъ здѣсь душу произведенія, исполненіе—его тѣло. Чтобы дать рельефъ фигурамъ и травамъ въ рисунокѣ, понятно, надо было, какъ и теперь это дѣлается, забирать его тѣнями, тушевать, и черезъ то приходитъ въ соприкосновеніе съ лѣпкой, и даже съ самой натурой, дѣлать съ живства, какъ тогда выражались. Всѣ эти, теперь каждому ребенку извѣстныя, истины вовсе не были такъ популярны между иконописцами XVII вѣка, у которыхъ на иконахъ фигуры и травы были лишены рельефа и воздуха, и скорѣе походили на какіе-то сплуты, чѣмъ на изображенія съ природы. О картонахъ не было и рѣчи. Ихъ замѣняли рисунки очеркомъ, съ прокладкою, тамъ и сямъ, вмѣсто тѣней, какими-то пятнами изъ киновари.

На плоскихъ металлическихъ, черневыхъ и финифтяныхъ, издѣліяхъ надо было, при изображеніи фигуръ, отдѣлывать ихъ штрихами и приводить вообще рисунокъ въ такой видъ, чтобы рѣщику, черневщику или финифтчику не оставалось ничего болѣе, какъ скопировать готовое. Все это весьма просто дѣлается въ настоящее время, когда промышленныя искусства пользуются популярностью, когда много специально приготовленныхъ для того мастеровъ разнаго рода; но въ XVII вѣкѣ, когда ихъ не было, это дѣлалось совсѣмъ не такъ легко. И если средства иконописнаго искусства были слабы,

не богаты; то что же можно думать о степени развитія ремесленниковъ металлическихъ издѣлій. Правда въ это время у насъ было достаточно иностранныхъ мастеровъ, но они должны были работать, большею частію, по рисункамъ русскихъ знаменщиковъ, насколько можно судить о томъ по характеру сохранившихся памятниковъ,—хотя въ свою очередь и первые имѣли, несомнѣнно, обратное вліяніе на русскихъ мастеровъ, а черезъ то и на стиль русскаго художественнаго ремесла.

Какъ бы то ни было, но мы должны допустить, что пребываніе Симона Ушакова въ Серебряной Палатѣ, съ одной стороны, имѣло рѣшительное вліяніе на его развитіе, съ другой, на характеръ промышленныхъ искусствъ того времени. Мы не можемъ обойти здѣсь, на примѣръ, того извѣстнаго факта, что онъ приготовлялъ рисунки для гравюръ, а дѣло это вполне совпадаетъ съ его занятіями по приготовленію рисунковъ для рѣзныхъ и черневыхъ металлическихъ издѣлій. Для такой личности, каковъ былъ Симонъ Ушаковъ, энергичный, трудолюбивый, время пребыванія его въ мастерахъ рисовальщикахъ не могло пройти безслѣдно. Онъ долженъ былъ здѣсь, среди большій и разнообразной практики, среди болѣе свободныхъ отношеній къ искусству, не безъ вліянія со стороны иноземныхъ образцовъ и мастеровъ, развиться до тѣхъ здравыхъ понятій объ иконописи, которыя только возможны были для иконописца XVII вѣка и которыя, какъ увидимъ, онъ передалъ своей школѣ.

Въ Серебряной Палатѣ Ушаковъ былъ главнымъ мастеромъ по части рисованья, въ знаменномъ дѣлѣ, а туда, по самому значенію дѣла, принимались только лучшіе изъ мастеровъ. Дѣятельность его здѣсь, судя по сохранившимся извѣстіямъ, была громадная. Царь Алексѣй Михайловичъ отличался своимъ благочестіемъ, а въ связи съ нимъ, и любовью къ украшенію храмовъ. Въ числѣ металлическихъ издѣлій этого времени мы встрѣчаемъ: чеканныя раки для мощей, священные сосуды, дарохранительницы, кадила, оклады на иконахъ и священныхъ книгахъ, кресты, панагіи, митры и drobницы на разнаго рода облаченіяхъ. Многое изъ утвари украшалось чеканкой, рѣзбою, чернью и по рельефу финифтью. Для такого рода предметовъ онъ приготовлялъ рисунки и былъ занятъ, какъ онъ выражается, безпрестанно въ Палатѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Но дѣятельность его, во время службы въ Серебряной Палатѣ, не ограничивалась работами для одного этого учрежденія. Онъ работалъ и въ Оружейномъ Приказѣ, точно такъ же, какъ и въ бытность свою, въ послѣдствіи, здѣсь на службѣ, онъ успѣвалъ, по временамъ, исполнять заказы, въ мѣстѣ прежняго своего служенія. Помимо исполненія прямой его обязанности рисовальщика, его брали къ иконописнымъ и чертежнымъ дѣламъ для государя, царицы и патріарха. Въ расходной книгѣ Царициной Мастерской Палаты 7157 (1649) г. мы находимъ слѣдующія извѣстія по случаю выдачи поденнаго корму Серебряной Палаты знаменщику Симону Ушакову. Дек. 11 онъ получилъ 11 алтынъ. А знаменилъ онъ, на покровѣ, подъ шитье, Спасовъ Нерукотворенный Образъ, да на покровѣ жъ, Никола Чудотворца образъ. Апр. 27, дано ему 29 алтынъ, за 29 дней. А знаменилъ подъ шитье покровъ Алексѣя митрополита да на куколи Деисусъ, да поверхъ Деисуса Херувимы, да пелену Рождества Пречистыя Богородицы съ дѣйствы, по камкѣ подъ шитье жъ, да цвѣтилъ съ тое пелены красками листь, да воздухъ по камкѣ знаменилъ. Мая 22, ему же 3 алтына. А знаменилъ покровцы и воздухъ и Спасовъ образъ на патріаршескій санъ, подъ шитье. Юня 8, опять на 3 дни. А знаменилъ на амфоръ по бумагѣ образцы да Рождества Пречистыя Богородицы дѣйство по бумагѣ и цвѣтилъ краски. Августа 11, 7 алтынъ. А знаменилъ онъ подъ шитье по камкѣ образъ преподобнаго Савы Чудотворца Сторожевскаго, съ чудесы. Онъ писалъ образа, фрески, знамена; чертилъ карты, планы и рисунки для знаменъ, монетъ и украшеній на ружья, рисовалъ на бумагѣ картины, словомъ, будучи знаменщикомъ иконописцемъ, онъ исполнялъ всякаго рода знаменныя и иконописныя дѣла, какъ мы увидимъ это въ подробности, перечисляя, въ хронологическомъ порядкѣ, дошедшія до насъ извѣстія о работахъ его. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Симонъ Ушаковъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ, трудолюбивыхъ, честныхъ, знающихъ и мыслящихъ иконописцевъ XVII вѣка. Поэтому-то и поручались его непосредственному надзору всѣ работы, происходившія въ то время въ Москвѣ, и, сколько нибудь, относившіяся къ иконописному или живописному дѣлу.

Приступая къ обзорѣ извѣстій о дѣятельности Ушакова въ хронологическомъ порядкѣ, мы нелишнимъ считаемъ замѣтить, что извѣстія эти дошли до насъ далеко не всѣ, что сохранившіяся

представляют отрывки канцелярских справок, челобитных, случайное появление которых обуславливалось, или просьбою о прибавкѣ жалованья, или выдачею кормовыхъ денегъ. Мы не можемъ даже ручаться, что отъ нашего вниманія не укрылся какой нибудь изъ документовъ, среди того хаоса, въ которомъ дѣла эти находились, когда мы ими пользовались, и въ которомъ они отчасти и теперь еще находятся. Множество дѣлъ погибло безвозвратно среди пожаровъ и во время нашествія неприятеля, въ 1812 году. Несмотря на все это, запасу собрано и нами довольно, для того, чтобы составить о Симонѣ нѣсколько лучшее и болѣе ясное понятіе, чѣмъ каково оно было до сихъ поръ. Для первыхъ лѣтъ его дѣятельности на службѣ извѣстій дошло менѣе, чѣмъ для послѣдующихъ, вѣроятно, отчасти потому, что она посвящена была болѣе работамъ въ Серебряной Палатѣ. За отсутствіемъ занятій въ Оружейномъ Приказѣ, не было, быть можетъ, подано челобитныхъ о выдачѣ дополнительныхъ кормовыхъ денегъ, стало быть, не понадобились и справки; лишними, затѣмъ, оказались и свѣдѣнія о дѣятельности за это время. Но тамъ и сямъ встрѣчающееся въ челобитныхъ послѣдующихъ годовъ слово внезапно бросаетъ свѣтъ на темныя предшествующіе года. Такъ узнаемъ мы случайно изъ челобитной Ушакова, 1660 года, о дополнительномъ кормѣ, состоявшемъ изъ двухъ алтынъ на день, которые получалъ онъ изъ Оружейнаго Приказа, съ самаго года вступленія своего въ Серебряный Приказъ, за то, что сверхъ его прямой обязанности „въ Палатѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаменить святыхъ образы на сосудахъ церковныхъ и на дробницахъ, ему тогда же стали давать другія государевы дѣла, иконописныя и знаменныя“, которыхъ мы, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ указаній, назвать не можемъ. Наконецъ, изъ того же акта узнаемъ мы, что Ушаковъ въ 1655 году былъ въ Смоленскѣ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ отличнымъ иконописцемъ, Степаномъ Резанцемъ, получалъ кормовыхъ денегъ по гривнѣ на день. За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ дѣлалъ въ этомъ Смоленскомъ, за государемъ, походѣ, позволимъ себѣ догадку, что онъ былъ взятъ туда, съ одной стороны, какъ рисовальщикъ, для исполненія чертежныхъ работъ, съѣмки плановъ и т. п.; съ другой, какъ иконописецъ, для письма иконъ и знаменъ. Намъ извѣстны двѣ царскія грамоты, съ требованіемъ иконописцевъ въ этотъ походъ; обѣ онѣ 1656 года, писаны, 19 іюня, въ Смоленскѣ и 11 іюля, въ царскомъ стану, въ Полоцкѣ; первую требовалась немедленная высылка двухъ иконописцевъ добрыхъ, безъ обозначенія ихъ именъ; второю указывались прямо имена самыхъ лучшихъ четырехъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ Ѳеодоровъ, Ѳеодоръ Козловъ, Иванъ Матвѣевъ и Иванъ Владиміровъ. Иконописцы должны были брать съ собою матеріалы, или иконный заводъ.

Несмотря на царскій указъ, Симонъ остался на этотъ разъ въ Москвѣ. Его задержалъ патріархъ Никонъ, еще въ полной силѣ въ то время. Въ отпискѣ на царскую грамоту, которая дошла только въ чернѣ, сказано: „а иконника Симона Ѳеодорова оставилъ въ Москвѣ великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ Московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, для своихъ государевыхъ святительскихъ дѣлъ“. Такимъ официальнымъ отвѣтомъ, вѣроятно, вполне удовлетворились; но едва ли только для патріаршихъ дѣлъ былъ оставленъ Симонъ. Скорѣе надо положить, кажется, что походная жизнь ему, какъ уже семейному человѣку и домовитому не пришлась понутру; она не приносила вѣроятно и тѣхъ выгодъ, которыя доставляла ему Москва, гдѣ онъ все болѣе и болѣе входилъ въ славу, запасался заказами. Что онъ дѣлалъ у патріарха, тоже не указано. Но къ этому времени, какъ разъ, относится одно изъ замѣчательнѣйшихъ по рисунку произведеній золотыхъ дѣлъ мастерства, которое едва ли могло быть исполнено безъ содѣйствія Симона Ушакова. Мы разумѣемъ патріаршую митру, извѣстную подъ именемъ большой короны. Рисунки финифтяныхъ изображеній, украшающихъ этотъ капитальный памятникъ, особенно верхнихъ, болѣе крупныхъ, вполне припоминаетъ манеру Симона Ушакова и не могли быть сдѣланы ни однимъ иностранцемъ, не говоримъ уже о русскихъ художникахъ того времени.

Въ позднѣйшемъ актѣ объ этомъ пребываніи Ушакова на работѣ у патріарха отмѣчена справка: „знаменщику иконописцу Симону Ушакову, какъ онъ Симонъ, напередъ сего, былъ у патріаршихъ иконописныхъ, домовыхъ дѣлъ, давано ему, Симону, поденнаго денежнаго корму, по гривнѣ на день, да его же кормили и поили за столомъ, да сверхъ того, корму давано отъ патріарха подачи добрыя.“ Этимъ и ограничивается все извѣстіе.

Въ 1657 году царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ у себя великаго государя вверху, комнату

написать вновь стѣннымъ письмомъ, а у того стѣннаго письма великаго государя указомъ указалъ быть иконникомъ стряпчей съ ключомъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ Полтевъ, Приказу Серебряныя Палаты знаменщику и иконописцу Симону Ушакову, да Оружейныя Палаты жалованнымъ иконописцамъ Степану Резанцу, Ѳеодору Козлову, а поденный кормъ велѣно имъ иконописцамъ давать, противъ прежняго государева указу, по 2 алтына челоуѣку на день, какъ они бывали, напередъ сего, у его государевыхъ иконописныхъ дѣлъ и у знаменъ, до мороваго повѣтрія“ и т. д. Въ той же работѣ принимали участіе и кормовые иконописцы: Иванъ Филатовъ, Иванъ Владиміровъ и другіе. Она была кончена, повидимому, въ 1660 году; по крайней мѣрѣ упоминается о комнатномъ письмѣ у государя въ челобитной за этотъ годъ, и въ томъ же году иконописцы получили царскаго жалованья, сукна на платье, Симонъ Ушаковъ — сукно доброе и тафту. Кромѣ того, онъ получалъ за работы, исполненныя, сверхъ обязанности знаменщика Серебряной Палаты, добавочныя кормовыя деньги съ 1657 года по 1660 включительно, какъ видно изъ документовъ; значить, онъ производилъ эти работы.

Въ 1659 году, Золотой и Серебряной Палаты знаменщикъ, Симонъ Ушаковъ, подалъ царю челобитную о томъ, что взять онъ въ государеву Золотую и Серебряную Палату въ знаменщики, для государевыхъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, знаменить на сосудахъ и на дробницахъ, и служить онъ государю безпрестанно, а окладу ему идетъ—денежнаго жалованья 20 р., а хлѣбнаго, ржи и овса, 32 четверти, а емлютъ его, по государеву указу, и къ инымъ дѣламъ государевымъ, къ иконописнымъ и для чертежныхъ дѣлъ, и государыни царицы въ Мастерскую Палату емлютъ знаменить пелены и утвари, ради чего и просить онъ о прибавкѣ жалованья. Ему прибавлено 5 р. къ денежному окладу, 20 четвертей къ хлѣбному, и по двѣ деньги къ шести деньгамъ на день кормоваго денежнаго. Для насъ имѣютъ значенія самыя свѣдѣнія о жалованьи иконописца. Въ древности относились къ этому дѣлу серьезнѣе, практичнѣе, чѣмъ въ наше время; требовались не личныя услуги, вознаграждалась одна только работа, которая и приводилась въ цѣну. Изъ приведенной тотчасъ челобитной видно, что окладъ жалованья Ушакова, со времени вступленія на службу, уже былъ увеличенъ, хотя другаго документа объ этомъ и не сохранилось, кромѣ сдѣланнаго на то указанія въ челобитной иконописца Ѳеодора Козлова, просившаго объ увеличеніи его оклада, сравнительно съ Симоновымъ, въ 1653 году уже стоявшимъ на степени оклада, упоминаемаго въ челобитной 1659 года; въ этомъ году послѣдовало вновь увеличеніе жалованья. Кромѣ того, съ этого же года, по дошедшимъ извѣстіямъ, онъ сталъ получать, помимо кормовыхъ денегъ, кормъ натурою, съ дворцовъ. Безъ сомнѣнія эти и подобныя имъ другія награды, о которыхъ не дошли до насъ извѣстія, давались не даромъ въ то время. Они шли за большія работы. Изъ расходной книги Оружейной Палаты 7167 (1659) года узнаемъ, что 30 сентября иконникъ Симонъ Ушаковъ вмѣстѣ съ товарищами получилъ кормовыхъ денегъ сентября съ 1-го по 27 по 2 алтына на день, 19-го октября въ томъ же размѣрѣ получилъ съ другими 14-тью иконниками, съ 27 сент. по 10 алт.

Сильно занятый исполненіемъ казенныхъ дѣлъ, Ушаковъ находилъ, однако, время и для себя и для частныхъ работъ. Онъ писалъ, безъ сомнѣнія, уже и до того времени иконы, но первая, которая дошла до насъ съ лѣтописью, относится къ 1657 году. Она находится надъ аркою въ трапезѣ главной церкви Грузинской Божіей Матери, писана на осьми-угольной доскѣ и представляетъ погрудное изображеніе, въ натуральную величину, Великаго Архіерея, т.-е. Иисуса Христа, въ видѣ вѣчнаго архіерея, по чину Мельхиседекову. Внизу ея сдѣлана надпись, по видимому, не рукой Ушакова: „Написана царскимъ мастеромъ, Симономъ Ушаковымъ, въ 7165 лѣто, въ царство царя Алексѣя Михайловича“. Судя по размѣрамъ и по сюжету, икона эта должна бы была входить въ составъ клеймъ главнаго иконостаса, писанныхъ несомнѣнно рукою Ушакова и изображающихъ святителей вселенской церкви. Она должна бы служить, въ ряду этихъ клеймъ, главнѣйшимъ, среднимъ звѣномъ, несмотря на то, что клейма не осьми-угольныя, но круглыя. Но разница въ письмѣ иконы Спасителя съ клеймами на столько значительна, что мы не рѣшаемся относить ихъ къ одному и тому же періоду дѣятельности Ушакова. Въ иконѣ Спасителя преобладаетъ еще вполне иконописный характеръ, тогда какъ въ клеймахъ отцовъ церкви есть живопись, пробивается индивидуальность, какъ мы то увидимъ, при оцѣнкѣ этихъ иконъ, въ своемъ мѣстѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что икона Великаго Архіерея потеряла значительную реставрацію, при чемъ легко могла утратить первоначальный характеръ.

Къ слѣдующему затѣмъ, 1658 году, относится другая икона той же Грузинской церкви, нынѣ помѣщающаяся надъ дверью, ведущей изъ Никольскаго придѣла въ главную церковь. Она изображаетъ Нерукотвореннаго Спаса. Писана на обыкновенной, четверугольной доскѣ, мѣрою въ 10 вершковъ длины, 8 вершковъ ширины. Внизу иконы надпись: Писалъ государевъ иконописецъ, въ лѣто 7166, Симонъ Ѳеодоровъ Ушаковъ. Письмо также строгое, иконописное, въ коричневыхъ тонахъ. Впрочемъ, и эта икона терпѣла поновленія. Къ тому же времени относится упомянутая нами выше и видѣнная Тромоновымъ икона, въ той же церкви Грузинской Божіей Матери. Это та самая, въ послѣдствіи уже не найденная другими изслѣдователями, икона, на лѣтописи которой основывается время рожденія Ушакова. Мы не имѣемъ о ней сообщить ничего болѣе отмѣченнаго покойнымъ Тромоновымъ, дѣльнымъ и, въ высшей степени, добросовѣстнымъ изыскателемъ русской старины.

Авторъ Памятниковъ Московской Древности, И. М. Снегиревъ упоминаетъ, по поводу описанія церкви Двѣнадцати Апостоловъ, что въ алтарѣ, надъ жертвенникомъ Спасскаго придѣла, въ трапезѣ, вставленъ въ стѣну образъ Спаса съ Патріаршихъ воротъ, писанный въ 1658 году Симономъ Ѳеодоровымъ. Доска его, добавляетъ авторъ, вышиною въ 3 четв. 1 верш., шириною въ 3 четв. образовалась изъ массы кирпичей, которые не распались при сломкѣ этихъ воротъ (См. стр. 167).

Посѣтивъ на дняхъ эту церковь и осмотрѣвъ подробно ея достопримѣчательности, благодаря просвѣщенному содѣйствію синодальнаго ризничаго, отца Іосифа, мы нашли, что придѣла здѣсь не существуетъ, а упоминаемая Снегиревымъ икона помѣщается у столба, отдѣляющаго трапезу отъ главной церкви или хороса. Она вставлена въ углубленіе этого столба, съ лицевой стороны отъ входа, будучи первоначально, съ боковъ и снизу задѣлана въ деревянный ящикъ и затѣмъ задвинута кіотой. Ликъ тщательно закрытъ слюдой и серебряною ризою. Письмо скорѣе подходит къ Петровскому періоду. Лицо круглое, глаза большіе, слезники красные, губы то же; головные волосы, спускаясь къ плечамъ кудрями, оканчиваются мѣстами въ видѣ торчащихъ пасемъ; по золотому вѣнцу красными буквами изображены слова: О. Ω. Н, въ трехъ отдѣленіяхъ. Поверхность иконы взрытая, неправильная. Нѣтъ признаковъ кисти Ушакова. Впрочемъ икона эта вѣроятно не разъ была подновляема, въ прежнее, неуклюжее время. Она покрыта слоемъ масляныхъ красокъ, хотя первоначально, безъ сомнѣнія, была писана фресками, по сырой извести, на кирпичной массѣ. Мѣрою она съ ящикомъ 15 вершк. длины, 12½ вершк. ширины, 4 вершк. толщины.

Вслѣдъ за этою иконою, идя въ хронологическомъ порядкѣ и, имѣя въ виду лишь сохранившіяся и помѣченныя рукою мастера произведенія, мы должны остановиться, тутъ же, на одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской иконописи, на большой иконѣ Благовѣщенія, писанной въ 1659 году, для той же Грузинской церкви Божіей Матери, въ Китаѣ городѣ. Но прежде чѣмъ займемся ея описаніемъ, не лишнимъ будетъ коснуться, во первыхъ, вопроса объ отношеніи Ушакова къ этой церкви, во вторыхъ о его обычаяхъ, помѣчать свои произведенія подписями. Тотъ и другой вопросъ невольно возбуждается, не только вышеупомянутыми иконами, но и многими другими, имъ писанными для той же церкви. Что побуждало нашего иконописца работать, нѣсколько лѣтъ, для одной церкви; зачѣмъ подписывалъ онъ имя на своихъ иконахъ. Для рѣшенія перваго вопроса мы находимъ основанія въ дѣлѣ Оружейной Палаты, возникшемъ вслѣдствіе прошенія Ушакова объ уступкѣ ему, казною, двѣра въ Посольской улицѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что дѣло это, начавшееся въ 1668 году и не совсѣмъ благопріятно для Ушакова окончившееся въ 1675 г., представляетъ много крайне интересныхъ подробностей для исторіи древнаго быта вообще и иконописцевъ въ особенности, и будетъ рассмотрѣно нами въ надлежащемъ мѣстѣ. Мы узнаемъ отсюда, что Ушаковъ имѣлъ домъ и мастерскую въ Китаѣ городѣ, и какъ видно, въ приходѣ церкви Грузинской Божіей Матери. Такимъ образомъ сохранившіяся здѣсь произведенія мастерства его, придающія церкви значеніе музея народной русской иконописи, суть памятники его благочестія и художественныхъ симпатій къ прекрасному образцу русскаго зодчества. Почти всѣ они подписаны рукою мастера. Другіе мастера, какъ иконописцы, такъ и всѣ прочіе, не имѣли обычая отмѣчать на своихъ произведеніяхъ имя и время ихъ исполненія. Это обстоятельство, представляя крайне рѣдкія исключенія, не мало затрудняетъ точную исторію художественныхъ ремеселъ въ Россіи. Послѣднія находились, до самого XVIII вѣка, почти на исключительномъ служеніи церкви. Идея личности, по сложившимся историческимъ причинамъ, мало была развита. Работая почти только на церковь и государя,

ко-а Взбранной воеводѣ побѣдительнаа, ꙗко изъбавльшесѧ ѿ зла, ꙗко благодарственнаа послани
ти раби твои вѣе.



Лит. С. Григорьева

ВЗБРАННОЙ ВОЕВОДѢ.

Грав. А. Суроежинъ

ИЗЪ АКАФИСТА ВОКРУГЪ ИКОНЫ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВИ ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ВЪ МОСКВѢ.